

БОРИС ШЕРЕМЕТЬЕВ

РУССКИЙ ИВАН В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

Сколько воды утекло с тех пор, а вот помню, о чём дед Иван рассказывал. Старость ли брала своё, предчувствие скорого расставания, но всё достовернее он был со мною: “Где корабль ни рыщет, а у якоря будет...” Он то поверял мне о старине глубокой, когда Русь была под игом ордынским и княжества страдали от вражеских набегов; то поведывал о славной битве 1812 года под Бородино, избавившей Россию от нашествия “двунадесяти языков”; то вспоминал время недавней борьбы с фашизмом, победу, ставшую звёздным часом для нашего народа. А то вместо книги сказок снимал с этажерки потёртый фолиант “Задонщины” и, водя пальцем по страницам, читал нараспев. На всю жизнь в мою память врезались отдельные куски древней повести, но особо – слова Дмитрия Донского, обращённые к брату Владимиру перед походом на поле Куликово: “Пойдём тамо, укупим животу своему славу, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольём за землю за русскую...”

За два последних века войны не раз крушили огнём и мечом нашу землю. Однако самые чувствительные рубцы на ней остались после битвы с Наполеоном, пытавшимся подмять Россию и привести Францию к мировому господству, и после сражений с Гитлером, который, как спрут, хотел задушить Россию, Советский Союз в хищных щупальцах свастики.

И это от деда я впервые услышал, что в далёком Берлине есть Трептов-парк, где захоронен его старший сын, а мой, стало быть, дядя. А под Лейпцигом стоит памятник в честь “Битвы народов”, рядом с которым в часовне-склепе русских героев лежат останки и нашего сородича.

Давно ушёл в землю пращуров дед Иван, а ключ-колодец, у которого будто совершаю омовение души, обретаю себя как Человек, цел и невредим, и питает меня своей живой водой. И всегда я мечтал увидеть место погребения моих родичей в чуждеальной стороне. И вот довелось...

Осенью поехал в Германию. Вместе с делегацией писателей объезжал немецкие города и веси, бродил по современным улицам и площадям с переплетениями транспортных эстакад – артерий, открытых стремительному движению машин, неспешному течению пешеходов, с параллелепипедами высотных зданий, ребристыми стенами домов, инкрустированных пластиком, гофрированной сталью, материалами других разнообразных конструкций, – и почувствовал урбанистический зов в будущее градостроительных комплексов. Рядом с ними, как анахронизм, выглядели старые кварталы со стоячим сырым воздухом, пахнущим железом. Оглядывая дома с тёмно-серым

шинельным налётом, с тяжёлой рябью черепицы на остроконечных крышах, с крестообразными переплётами окон, с тусклыми двориками, я невольно ощутил на себе давление векового казарменного тевтонского духа, совершенно не свойственного нашим русским древним белокаменным городищам с золочёными куполами церквей, лазурной кровлей. И так же после обхода диковинных замков, чудесных готических храмов, музеев, живописных парковых ансамблей окрепло моё убеждение, что российские мастера творили нисколько не хуже, а в чём-то даже, может быть, благолепней, пригожей, с высоким полётом мысли.

При въезде в Лейпциг, “город под липами”, в седой древности – Липецк западных славян (отсюда и название), я увидел гигантское строение, издали напоминающее мрачный набатный колокол. У верхнего яруса памятника обнаружил каменные бородачей, закованных в латы, опирающихся на многопудовые мечи, застывших с непокрытыми головами в почётному караулу. Будто бы какая-то неведомая сила подхватила меня и придвинула к подножию монумента, возведённого в начале прошлого века, олицетворявшего грозную власть, которой, казалось, нельзя противостоять. В купольном зале органная музыка Баха, полная возвышенного покоя, лирической сосредоточенности, звучала отовсюду. Густое, какое-то неземное гудение вызывало в сердце скорбь о чём-то давно утраченном, подавляло могучим многоголосием, возносящимся под высокий каменный свод упругими кольцами.

И вслед за печальными звуками я, как зачарованный, перемещался вверх по винтовой лестнице, истёртой, скользкой и такой узкой, что едва расходился со встречаемыми посетителями. Пятьсот ступенек до смотровой площадки, расположенной почти на стометровой высоте памятника, дались нелегко. Чем выше поднимался, тем теснее становилось дыхание, тяжелее шаг.

Под самым куполом протяжные низкие звуки реквиема павшим лились ещё яростнее. Казалось, ревел, раскачивался сам памятник...

Я подошёл к каменному парапету, глянул вниз. И людское море у подножия монумента, и тысяча крестов на могилах павших солдат мало-помалу размягчили мою душу, защемило болью сердце, глаза застила пелена. Мне очию представилось дождливое октябрьское утро 1813 года. Бледно-голубые сполохи то тут, то там озаряли огромную всхолмлённую равнину, рассечённую мелководными речками Эльстер, Плейсса, Партой на четыре поля с только что убраным жнивьем, рошицами и деревушками: Вахау, Клеберг, Мейсдорф, Гюльденгосса...

Нет, это не зарницы раздвинули горизонт, а далёкие выстрелы орудий. Сразу вспомнились рассказы деда Ивана. И в моём воображении родилась величественная картина такой уже далёкой, но памятной сердцу русского человека “Битвы народов”, как называли сражение под Лейпцигом, когда войска России, очистив землю свою от злого врага, перешли через границу, чтобы и прочим европейским народам помочь свергнуть тяжкое иго наполеоновского владычества. Чудился и блеск огней, и треск ружей, и свист пуль. Через непрерывающийся гул до слуха долетали протяжные крики “ура!”... Вахау и Клеберг уже были взяты русскими войсками. Однако этот уступленный французами шаг неожиданно обнаружил угрожающую нам опасность. Наполеон, разместив свои боевые порядки так, чтобы иметь возможность во всякую минуту сосредоточивать их на том пункте, какой представится более удобным для нанесения решительного удара, тотчас же на высотах у Вахау выставил более ста орудий, разразившихся страшным огнём.

Залповая стрельба слилась в продолжительный перекатывающийся грохот. Поднялась сильнейшая канонада. Едкая гарь капустными лохмами зависла над изрытым грязным пространством: линиями траншей, насыпями, погребями, платформами, землянками. Высокие столбы разрывов сцепились в белесовато-лиловые пороховые волны, сквозь которые мелькали огоньки вспышек, и накаты дыма пошли на город.

Вскоре почти все русские орудия, находившиеся в первой линии, были подбиты, батальоны потеснены с позиций. Центр боевых порядков оказался в затруднительном положении: не имея возможности идти вперёд против массы французской артиллерии, русские войска попали под град неприятельского огня.

Почувствовав, что можно нанести мощный удар по главным силам русской армии, Наполеон бросил в южный прорыв конницу маршала Мюрата,

вслед за ней пустил пехоту. Французские эскадроны шли через русские боевые порядки, как нож сквозь масло. Они обогнули с левой и с правой стороны Вахау, увеличили аллюр, с ходу овладели несколькими батареями. Изрубив орудийные прислуги, разорвали оборону пехотного корпуса и окружили нашу арьергардную дивизию, вставшую в каре.

Довольный прорывом центра союзных армий, Наполеон так поверил в их разгром, что даже послал королю саксонскому, в Лейпциг, поздравление с победой.

И что же? Вся начертанная им картина вмиг переменялась от молодецкой фланговой атаки лейб-гвардии Казачьего полка, казаков Черноморской сотни полковника Бурсака, которые воспользовались оплошностью врага, со страшным, диким гиком, держа наперевес длинные пики, пронеслись через обстреливаемую вражескими батареями равнину и ринулись на кирасир.

Казачья пика, с острыми ребристыми гранями, длиннее, чем уланская, на целый аршин, “царица холодного оружия”. Многие кубанцы, ведомые хорунжим Безкровным, виртуозно владели ею с детства и при дружном ударе наводили в стане врага панику. Вот и теперь французы не выдержали их лихого натиска, повернули вспять.

И вскоре по тому, с какой лихостью по дороге проскакали казаки, с какой поспешностью проехал командующий Барклай-те-Толли со свитой в сторону фронта, многие угадали – случилось что-то очень важное.

Так оно и вышло. Через минуту-другую перед очами Бурсака, точно из-под земли, вырос на коне есаул Безкровный. Осадил взмыленного жеребца и, тяжело переведа дух, выпалил:

– Господин полковник, знамя взяли!

– Не может быть! – удивился Бурсак, наставляя подзорную трубу на неприятеля под Вахау.

– Чуток правее берите... Ну, бачите?! Французское!

– Ай да молодцы наши хлопцы! Теперь дело пойдёт веселее...

Четверо суток шло это грандиозное кровавое побоище, ставшее самым крупным сражением эпохи наполеоновских войн. Но если под Бородино русская армия, показав образец активной героической обороны, сохранила свою боеспособность и лишь по приказу Кутузова отошла к Москве, то год спустя, откатившись до Лейпцига, нечто подобное попыталась осуществить армия Наполеона. Но безуспешно. Потери её оказались неутешительными: убито – 60 тысяч, пленено – 20 тысяч.

...Какая тут была теснота от орудий, взрывов и людей. И, может быть, вон в том месте, где сейчас стоит неподалёку от памятника белокаменная православная церковь, построенная на средства потомков погибших солдат, в основном донских и кубанских казаков, скакал на врага мой далёкий сородич. А может, и кровь его там пролилась. Нет тут комка глинистой почвы, не обогрётной кровью 22 тысяч полёгших здесь русских бойцов.

Так было в начале XIX века. Но прошло более века, и вот уже Гитлер не только оборотил нацистский орден меченосцев в орудие порабощения мира, но и сделал из него фабрику убийц и погромщиков. Он попытался стереть с лица земли Россию, истребить в аду нацизма миллионы русских, белорусов, украинцев, евреев, цыган и прочих, как он полагал, “недочеловеков”, разрушить их самосознание и многовековую культуру.

Особо пронзительно я это понял, когда посетил в Дрездене мемориал жертвам фашизма, в Веймаре – бывший концентрационный лагерь Бухенвальд, где были зверски замучены 56 тысяч человек, а в Берлине – памятник жертвам фашизма и милитаризма. Там, на Унтер-ден-Линден, наблюдая за разводом большого почётного караула, воздающего почести тем, кто пал в тяжёлой схватке с германским нацизмом, перед моими глазами вновь почему-то вставал памятник в честь “Битвы народов”, воскресали русские воины девятнадцатого столетия, чьи сердца были искренними в смертельной борьбе, чей разум искал истину, справедливость. И в который раз приходил к достоверному убеждению о нерасторжимой связи времён и героических традиций. В годы Великой Отечественной войны русские люди сумели не только защитить родное Отечество от посягательства врагов, уберечь Родину и человечество от рабства и гибели, но и уничтожить гитлеризм, открыть народам дорогу свободы.

Как символ священного боренья – стоит в Трептов-парке памятник воину-освободителю, рядом с которым повседневная суэта, мелкие заботы чело- века кажутся пустяжными, недостойными внимания. Курган монумента напо- минает стародавний могильник Дикой степи с останками погибших ратников. На высоте поставлен, посреди Берлина, точно громадный древнерусский шлем, цилиндрический мавзолей с богатырской фигурой солдата. На лице глубокая тихая радость и гордость, сродни, пожалуй, отцовской: в победном бою он спас невинную детскую душу. Кто этот избавитель от смерти, чьи большие руки, очевидно, привыкшие к труду, поддерживают малышку, при- льнувшую к его груди с такой доверчивостью? Кто этот воин, что сжимает меч, придавивший долу, будто гадюку, обломки разбитой фашистской свастики?..

Может, это старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович, спасший 29 апреля 1945 года немецкого ребёнка от выстрела эсэсовца на перекрёстке улицы Эльзенштрассе и проспекта Пушкиналлея? Может, это рядовой 220-го полка Николай Мосолов, который, день спустя, услышав на развалинах Тир- гартена плач ребёнка, с риском для жизни пробрался через минное поле к Потсдамскому мосту и вынес в безопасное место маленькую трёхлетнюю де- вочку? А может, это мой дядя, сражавшийся за Берлин? А может... Трудно сей- час доподлинно установить фамилию солдата, какой он роты, взвода. Важно, что российский женщина родила его для праведной жизни. Напевая песнь у сыновней колыбели, как и всякая другая мать, об одном молила Бога: не по- сылать на их голову войну... но случилось иначе.

В разгар лета 1941 года, точно снег на голову, свалилась германская вой- на. На третий день, 25 июня, военком послал Ивану повестку. Через неделю он, как и тысячи подобных ему, военнообязанных, был переодет в форму красноармейца, поставлен под ружьё. Так Иван из труженика-землепашца превратился в труженика фронта, солдата, на плечи которого легло: на искон- но русских землях восстановить погранный порядок и народное счастье.

Боевое крещение Иван принял в первую зиму под Москвой. В сорокогра- дусные морозы узнал, почём фунт лиха стоит. Поначалу от каждого внезапно- го выстрела, пристрельной, огневой, яростной бомбёжки сжимался в тугий обречённый комок, смыкал до боли глаза... Пообвыкнув, начал воевать с уд- военным мужеством, благородной яростью, упорством и злостью.

Прикипев душой к армейскому строю, всегда делал то, в чём была ост- рая необходимость, работал с необыкновенным рвением. Как и все, нёс по- сильный груз на фронте: стоял на часах, рыл траншеи, строил землянки. В минуты боевой тревоги, отдохнувший или усталый, сытый или голодный, оборонял свои редуты и атаковал укрепления противника. От пуль берёгся, но и поклоны им не бил. Каждая складка на местности служила ему навесом, и слепые снаряды обходили его стороной. Словом, удача сопутствовала на первых порах.

У стен Сталинграда, во вторую зиму, Иван испытал гордость русского солдата. И когда выбивал фашистов, вросших в камень, в землю, и когда, поменяв диспозицию, лежал на мёрзлом бруствере, елозил с бойцами на жи- вотках под вражеским огнём по глинистому грунту. Отдать правый берег Вол- ги – значило лишить Россию кавказской нефти, а стало быть, погубить госу- дарство. Естественно, встал вопрос ребром: Родина – или смерть...

Как на кремь-пята вся страна опёрлась тогда на седой Мамаев курган, окутанный древними легендами.

Вот и Иван, находясь в сердцевине того сражения, не дрогнул под прес- сом германской военной машины. Месяц везло, второй, а на третий довезло до ручки: ранило в правое предплечье. Попросил санитаря покрепче перевя- зать бинтами, а покинуть блиндаж наотрез отказался:

– Не время греться у печурки. Слева прут танки, справа стрельба. Льётся кровь, закипает бой. Каждая рука на счету, а я буду в санпункте прохладиться?

В те роковые сумасшедшие дни Иван и его товарищи по оружию не согну- лись, выстояли, защитив от посягательства противника самую главную высо- ту в их жизни – Мамаев курган. И только тогда, когда враг попал в окруже- ние, в капкан маршала Чуйкова, он со спокойной совестью отбыл в госпиталь.

Жена Екатерина слала ему нежные письма с утешительно-ласкательными словами, прежде редко употребляемыми в семье. Здоровье Ивана быстро шло на поправку. И там, в тылу, на госпитальной койке, он неожиданно по- нял, что смерть геройскую, оказывается, ещё заслужить надо...

Полтора года спустя, летом 43-го, на Курской дуге Иван впервые увидел такое огромное скопление пышущих жаром бронированных машин врага, давящих души и кости людей. Долгое время в ушах его стоял скрежет танковых траков, дребезг стальных кузовов и надрывное дыхание дизель-моторов. Жёсткие, kloкочущие взрывы – огонь рвёт сцепления колёс, и подбитые танки останавливаются как вкопанные.

Из этого испепеляющего огня, из этой безжалостной круговерти битвы он вышел живым. Казалось бы, радоваться... А тут на тебе – запоздалое письмо от старика-соседа по дому с убийственной вестью: “Фашисты согнали всех малолетних и пожилых сельчан в амбар, в котором от пожара скончались твоя дочурка Светлана, жена Екатерина и сёстры Ольга, Татьяна...”

Будто электрическим током прожгло Ивана. Выходит, он всё это последнее время разговаривал с мёртвыми, поверяя им свои сокровенные мысли и чувства?.. Ноги его сами собой подкосились, вся округа поплыла в глазах...

Только Бог и помоги.

Не один день Ивана душили невыплаканные слёзы, пронизывая болью всё нутро. Зубы его скрежетали, он грозил им: “Вы ещё меня узнаете, сволочи! Попляшете под дулом моего автомата!”

Прошагав пол-Европы, через сотни деревень, посёлков, городов, потеряв в малых и больших боях великое множество своих товарищей, израненный, он не перестал жить своим русским умом, живым, бойким, быть верным своему слову, друзьям и товарищам; стремился не только понять чужан, но и помочь им обрести счастливую судьбу.

Понагляделся Иван и на Берлин. В уличных боях поковырял его сапёрной лопатой, поползал по булыжным мостовым, полазил по крышам, чердакам и подвалам. Пришлось её, столицу третьего рейха, прежде многим казавшуюся исчадием ада, осматривать и узнавать не только с лица, но и с изнанки...

Вот и в тот первомайский день, когда линия фронта проходила через одну из площадей, Иван столкнулся с необычным... Впрочем, всё по порядку.

По одну сторону фронта стояли наши войска, по другую – остатки фашистской части, упорно оборонявшие свой “фатерлянд”. В центре пространства – развороченная взрывом клумба с цветами. Около воронки, на опалённой траве, лежала убитая шальным снарядом женщина, а рядом – маленькая девочка. Живая...

Иван в те минуты укрывался вместе с бойцами за руинами разрушенного дома и не сразу услышал прерывающиеся всхлипы ребёнка. Спасать ребёнка – значило идти на верную гибель. От этой мысли у Ивана защемило под ложечкой. Неподалёку, среди пепелища, лежало беспомощное малое существо, словно его дочурка Света, взывающая о помощи. Плач ребёнка становился всё громче, всё отчаянней.

Он уже не раз встречался со смертью и лучше многих знал, как её отвести. Всем гибким телом, привыкшим слушаться, он прицелился к кирпичному брустверу и сказал подчинённым:

– Я за девочкой... Открою паче чаяния стрельбу – прикройте.

И легко перемахнул на тротуар площади.

По обе стороны передовой вдруг наступила тишина. Первым делом закрыл глаза у женщины, лишённой жизни в расцвете лет, перекрестил её. Только потом уже поднял девочку, нежно прижал к груди. Она слегка успокоилась, но продолжала горько всхлипать. И тогда он залопотал ласковым голосом:

– Ну что ты, что ты, успокойся. Всё будет хорошо. Я не дам тебя в обиду.

Назад он возвращался тем же путём. Медленно, с трудом полз на боку: живая ноша не позволяла стелькой распластаться по искрошенному асфальту. Но сознание, что они с малюткой могут остаться невредимыми, заставляло силой своего яростно бьющегося сердца напрягать усталые мышцы.

У кирпичного бруствера остановился. Заслоняя собою ребёнка, поднялся в полный рост, чтобы перелезть через каменную оградку, радостно крикнул:

– Ребята, нашему полку прибыло...

Но, покрывая его голос, с вражьей стороны по-волчьему взвыли обозлённые пули. И тут же Иван ощутил, как под левую лопатку вклинился свинец, ужаливший изнутри. Его упругое тело стало оплывать. Из последних сил выгнув спину, мешком перевалился за бруствер, на руки товарищей.

Иван слышал, как его клали на спину, подложили под голову солдатскую скатку, расстегнули ворот гимнастёрки. Душа его не испытывала ни страха,

ни горести, ни сожаления. Он только чувствовал счастливую праведность, важность исполненного им человеческого долга.

Лицо фронтového друга, товарища-окопника склонилось над ним.
– Девочку сбереги...

...Трептов-парк. Покрытый мутно-голубым пологом неба, он в центре Берлина, точно зелёный островок, образовавшийся при разливе реки. Ветер молитвенно шелестит листвою высоченных тополей, легонько клонит к ногам стебли трав.

Через каменный портал, окружённый пушистыми елями, я снова прохожу в мемориальную рощу и по буковой аллее иду к гранитному изваянию "Мать-Родина". Она олицетворяет собою русскую женщину, которая выносила детей под сердцем. Она, простоволосая, со смутным, точно ослепшим лицом, безучастная ко всему на свете, сидит на скамье наедине со своим вечным горем, неутолимой печалью: пали в бою её дети, в которых вложено столько сил, которым отдано столько любви и крови, и потому скорбит с поникшей головой.

Каждый день к Русс-Ивану в Трептов-парке, к Воину-освободителю в берлинской мемориальной роще, приезжают люди со всего мира, чтобы поклониться подвигу русских солдат. Здесь ему воздавали воинские почести участники французского Сопротивления; склоняли седые головы перед вечной памятью российские ветераны войны; отдавали дань человеческому мужеству и стойкости британские старые, опытные солдаты, одетые в военные мундиры. В минутном молчании замирали тут шахтёры из города Битефельд, учитель со своим классом из Германии, итальянские студенты, российские писатели...

Я неспешно иду по широкой аллее мимо двух пилонов в форме знамён, выложенных красным гранитом, мимо бронзовых скульптур, коленопреклонённых воинов России, без касок, с опущенными автоматами. По ступенькам, ведущим вниз, выхожу к центральной части мемориала. Вдоль средней оси пять обрамленных газонов. На каменных постаментах пять литых венков.

Задержался у братских могил – и передо мной как бы безмолвно разверзлась земля: оплетённая жилками родников, корневищами, но не живородящая; нашпигованная ржавым железом, костями, но не помнящая ничего, схоронившая в себя на веки вечные все тайны.

В зале мавзолея с купольным сводом взору моему открылось мозаичное панно великой печали российских людей, свято чтущих память своих героев. На потолке сверкал хрустальный орден Победы, на постаменте из чёрного камня лежала Золотая книга с именами захороненных воинов.

Отыскалось среди них имя и моего дяди – одного из тех русских Иванов, что спасли мир.